

**РОССИЙСКАЯ МУСУЛЬМАНКА-ТАТАРКА:
ИЗ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО, 1940—1980-е гг.
(По материалам Среднего Поволжья)**

В исламе, как, впрочем, и в других мировых религиях — христианстве и иудаизме, активно проводится мысль о вторичности женщины. О женщине, об отношении к ней в Коране встречается много упоминаний, женщине посвящена отдельная глава Корана, состоящая из 175 аятов. Вековая социальная и моральная дискриминация женщины привела ее к замкнутому образу жизни, пассивному стилю поведения и т. п. Кроме того, невозможность контроля или слабая регуляция процесса рождения детей ограничила сознание женщины вопросами, связанными, главным образом, с воспитанием детей, обусловила вытеснение ее из интеллектуальных сфер деятельности.

За длительный период времени в положении женщины произошли значительные изменения, но лишь во второй половине XX в. пришло понимание того, что мусульманская женщина — не только придаток мужчины и семьи, но и самостоятельная личность.

В СССР ислам претерпел заметную эволюцию. Модернизируя культ ислама, советское мусульманское духовенство стремилось не выходить за рамки исламского вероучения, но в отношении к женщине служители культа перешли на более рациональные и реалистические позиции. Значение мусульманской женщины в обществе стало оцениваться исходя из того, что «национальное самосознание, верность традициям, уважение к предкам, любовь к родине — все эти качества закладываются в семье, и женщина играет далеко не последнюю роль в воспитании детей» [13, с. 3].

В послевоенные годы мусульмане явно активизировались, что было обусловлено либерализацией государственно-церковных отношений в целом в годы Великой Отечественной войны. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С. Д. Горбачев подчеркивал, что «в деятельности мусульманского духовенства и религиозных обществ <...> необходимо отметить некоторое их оживление в области расширения своего влияния на окружающее население» [1, ф. 2392, оп. 1, д. 1, л. 104], что отразилось в первую очередь на женщинах.

Уже с конца 1940-х гг. местное мусульманское духовенство, пытаясь «модернизировать свое религиозное учение и вопреки ранее принятым обычаям, открыто стало привлекать женщин-татарок в мечети» [1, ф. 2391, оп. 1, д. 5, л. 132]. Пензенский мухтасиб Я. С. Юсупов поощрял посещение женщинами мечетей, считая, что запрещение Корана в данном отношении устарело, поскольку именно через семью, через женщину идет воспитание с детства религиозного убеждения в ребенке. Мулл, которые уклонялись от привлечения женщин в мечети, он называл «твердолобыми» [там же, л. 85]. Один из представителей мусульманского духовенства в беседе с уполномоченным Совета по делам религиозных культов по Пензенской области заявил: «Женщина является другом мужчины. Она заботится о его здоровье, создает уют, воспитывает детей. Мы не можем оставить ее без нашего влияния. Раньше женщину просто незаслуженно обижали тем, что запрещали ей ходить в мечеть» [1, ф. 148, оп. 1, д. 5235, л. 67].

Поскольку Коран предписывает женщине молиться в мечети в отдельном от мужчины месте, в мечетях Среднего Поволжья были оборудованы специальные комнаты для моления женщин. В некоторых случаях оборудование отдельных помещений для молений женщин было связано даже с капитальным переоборудованием и перепланировкой мечети. Так, в мечети с. Нижняя Елюзань Городищенского района

Пензенской области под помещение для молений женщин самовольно был переоборудован нижний этаж мечети — склад под дрова. Община самостоятельно, за счет своих средств, без получения соответствующего разрешения светских властей провела капитальный ремонт [там же].

Хотя в «Коране признаются человеческие и гражданские права женщин: осуждается излишняя жестокость мужа по отношению к жене, оговариваются имущественные права женщины, право на приданое, на наследство» [10, с. 527], мусульманские мужчина и женщина в повседневной практике далеко не равноправны.

Женщины-татарки Среднего Поволжья по религиозным убеждениям уклонялись от посещения клубов, кино, собраний и от участия в художественной самодеятельности. По мнению уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Пензенской области, «феодално-байские» обычаи в отношении женщин были очень сильны: «Родители запрещали своим дочерям не только ходить в клуб, участвовать в художественной самодеятельности и выполнять общественные поручения, но даже не разрешают выходить одной вечером из дома на улицу, ходить к соседям и своим подругам. Родители разрешают только сходить вечером на девичьи деревенские посиделки, однако и в этом случае девушку от дома до посиделок и по возвращении домой обязательно сопровождает ее мать или кто-то из ее взрослых родственников» [1, ф. 2392, оп. 1, д. 49, л. 412]. Даже в середине 1960-х гг. в сельской местности Среднего Поволжья отмечались случаи, «когда замуж родители выдают свою дочь за молодого человека, которого она и в глаза не видела, и не была до этого знакома, а следовательно, вопреки ее желанию» [там же, д. 77, л. 320]. Как правило, девушки по окончании школы выбывали из комсомола.

Серьезной проблемой сельского татарского населения, особенно женского, было здравоохранение. Дело в том, что многие женщины-татарки в силу религиозных предрассудков не посещали медпунктов, не обращались к врачам, считали это неприличным, предпочитая бабушек-знахарок. Крайне редко сами приходили в медпункт, в лучшем случае вызывали медицинских работников на дом. На роды домой, как правило, приглашали не акушерку, а бабку-повивалку. В связи с этим работники медицинских пунктов проводили специальную разъяснительную работу среди женщин, выступали с лекциями на темы «О женских болезнях», «О борьбе с летними детскими заболеваниями», «О трахоме и борьбе с ней» и др. Но, подчеркивал один из уполномоченных Совета по делам религиозных культов, «все эти беседы не увязываются с антирелигиозными вопросами, не учитываются и не направляются культпросветотделом по соответствующему руслу, когда можно было бы использовать все эти беседы на борьбу с религией и религиозными предрассудками, особенно среди женщин» [там же, л. 326]. Главный акцент в пропагандистской работе делался на женщин, поскольку именно они являлись хранительницами домашнего очага и через них в первую очередь шел воспитательный процесс. Результаты социологического исследования, проведенного лабораторией Казанского государственного университета и Казанским опорным пунктом Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС (Казань) в середине 1960-х гг., убедительно доказывали решающее влияние семейного воспитания на религиозность людей. На вопрос «По какой причине вы стали верующим?» 75 % опрошенных мужчин ответили, что главную роль сыграло воздействие родителей, родственников; аналогично ответили на данный вопрос 80 % женщин-мусульманок [6, с. 152—153].

Семья, потомство трактовались как фундаментальные ценности ислама. У мусульманина, согласно религиозным канонам, должна быть многочисленная семья, освященная религией и обычаями. Средняя величина татарской семьи Поволжья в период 1950—1980-х гг. составляла 3,7—4 человека, «значительно отличаясь по величине от семей коренных народов Средней Азии (средний размер 5,7—6,6 человека) и несколько превышая семью народов западноевропейской части бывшего СССР (3—3,3 человека)» [12, с. 288—321]. В сельских татарских семьях Пензенского региона иногда насчитывалось восемь — двенадцать и более детей. Уполномоченный Совета по делам

религий по Пензенской области объяснял это следующим образом: «Многие татарские семьи многодетны только потому, что в этих семьях женщине-татарке по национальным и религиозным обычаям фактически препятствуют использовать данное ей законом право самой решать, нужно ли ей иметь ребенка или прервать беременность» [1, ф. 2392, оп. 1, д. 46, л. 281]. Как следствие, татарское население Среднего Поволжья в отличие от других национальных общностей стабильно увеличивалось на протяжении всего исследуемого периода, среди татар рождаемость была в 1,4 раза выше, чем среди русских [8, с. 6; 9, с. 507]. В результате национальный состав регионов Среднего Поволжья в 1970—2000-х гг. менялся, как показано в таблице (по данным переписей в процентах от общей численности населения) [3, 4, 7, 8, 12].

Год	Нация	Татарская АССР	Ульяновская область	Куйбышевская (Самарская) область	Пензенская область
1970	Татары	49,07	9,99	3,41	4,87
	Русские	42,43	76,01	82,76	86,17
1979	Татары	47,65	10,63	3,35	5,18
	Русские	44,00	74,82	83,64	86,48
1989	Татары	48,48	11,39	3,53	5,40
	Русские	43,26	72,83	83,37	86,15
2002	Татары	52,92	12,20	3,95	5,97
	Русские	39,49	72,65	83,60	86,35

Мусульманские семьи сравнительно стабильны. Так, уровень разводов в Татарстане был в среднем в 1,5—2 раза ниже, чем в Российской Федерации, на Украине, в Прибалтике. «В наибольшей степени традиционные установки на недопустимость разводов присущи представителям старшего поколения. Фактором, скрепляющим семейно-брачные отношения, является и тесная родственная связь» [9, с. 339].

Несмотря на предписания ислама и в отличие от других мусульманских народов СССР, ранние браки не были характерны для мусульман Поволжского региона. Более того, татары в целом вступали в брак позже остальных народов Поволжья [2, с. 37—38; 5, с. 122]. Татары Среднего Поволжья однозначно выступали за моногамный брак в соответствии с советским законодательством.

Находившийся в Среднем Поволжье в служебной командировке в июле 1973 г. заместитель заведующего отделом по делам мусульманской и буддийской религий Совета по делам религий при Совете Министров СССР И. Ю. Бончковский отмечал, что в татарских селах весьма сильны патриархальные традиции, а отсюда и «степень религиозного влияния на население, в том числе и на молодежь. Здесь практически не бывает смешанных браков, особенно это относится к девушкам...» [1, ф. 2392, оп. 1, д. 97, л. 1]. Причем он подчеркивал большую агрессивность верующих-мусульман по сравнению с православными: «Стоило только проверяющим зайти в мечеть, как тут же собиралась толпа людей, обеспокоенных таким визитом. В селе Кочалейка Каменского района Пензенской области у мечети собралась толпа женщин. Одна из них “осмелилась” даже войти внутрь помещения и, несмотря на присутствие представителя мутавалията, “потребовала объяснений”: собираются ли совсем закрыть мечеть или же только повысить налоги» [1, ф. 2391, оп. 1, д. 9, л. 2].

Тем не менее определенная секуляризация мировоззрения женщин-мусульманок происходила. Так, секретарь сельсовета с. Большой Труев Пензенской области З. Аббясова честно говорила в беседе с уполномоченным Совета по делам религиозных культов по Пензенской области: «Мы, молодежь, не знаем, когда бывают религиозные праздники, но старшие члены семьи стараются напомнить нам об этом» [1, ф. 2392, оп. 1, д. 1, л. 104].

Положение женщины-мусульманки в СССР, да и во всем мире, кардинально изменилось. Б. Учок, турецкий специалист, кстати, женщина, заметила: «Если попытаться суммировать то новое, что появилось в исторических концепциях, то оно, прежде всего, связано с отказом от крайностей в оценке положения женщины в мире ислама» [11, с. 149].

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области.
2. *Зорин Н. В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1981. 200 с.
3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. : РСФСР. М. : Госстатиздат, 1963. 210 с.
4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. : стат. сб. М. : Статистика, 1990. 236 с.
5. *Козлов В. И.* Динамика численности населения. М. : Наука, 1969. 208 с.
6. *Мавлютов Р. Р.* Ислам. М. : Полит. лит., 1969. 159 с.
7. Население СССР : (численность, состав и движение населения), 1973 г. : стат. сб. М. : Статистика, 1975. 208 с.
8. Пензенская область в цифрах и фактах. Саратов : Приволж. кн. изд-во, Пенз. отд-ние, 1987. 162 с.
9. Татары. М. : Наука, 2001. 583 с.
10. *Токарев С. А.* Религии в истории народов мира. М. : Политиздат, 1991. 574 с.
11. *Учок Б.* Женщины-правительницы в мусульманских государствах. М. : Наука, 1982. 176 с.
12. Численность и состав населения СССР : по данным Всесоюзной переписи 1979 г. М. : Финансы и статистика, 1984. 366 с.
13. *Шайдуллина Л. И.* Арабская женщина и современность : (эволюция ислама и женский вопрос). М. : Наука, 1978. 200 с.